

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	60
Глава 5	71
Глава 6	90
Глава 7	109
Глава 8	143
Глава 9	148
Глава 10	160
Глава 11	170
Глава 12	181
Глава 13	190
Глава 14	208
Глава 15	220
Глава 16	224
Глава 17	231
Глава 18	241
Глава 19	253
<i>Последняя речь Джеффри Дамера</i>	263
Глава 20	267
<i>Интервью с Джеффри Дамером</i>	275
<i>Интервью с родителями Джеффри Дамера</i>	292
Эпилог	328
От автора	332

Было бы здорово, если бы кто-то ответил мне, зачем я все это сделал. Что послужило для этого поводом; потому что у меня подходящего ответа нет.

Джеффри Дамер

Пролог

1992 год

— Мистер Ресслер, мистер Ресслер, вы уже провели несколько сеансов с Милуокским монстром, вы можете дать предварительное заключение?

— Сеансы проводят психотерапевты и с целью излечения больного, я же всего лишь могу лишь беседовать с людьми. Подчеркиваю тот факт, что в моей компетенции беседы лишь с людьми, с монстрами общается Стивен Кинг, наверное.

Роберт Ресслер говорит с налетевшими журналистами, еле сдерживая свое раздражение.

Тогда, в 1992 году, он вот уже два года как был на пенсии. Двадцать лет безупречной службы, создание общей базы данных всех нераскрытых преступлений в стране, создание уникального метода профайлинга серийных убийц, — все это уже осталось в прошлом. Кажется, что тогда, после второй или третьей беседы с Дамером, он впервые начал осознавать это. Он продолжал, как это принято в Чикаго, работать двадцать четыре часа в сутки, выступать с лекциями, давать свои заключения о виновности или невинности преступника. За полтора года, которые он провел в отставке, у него просто не нашлось

времени для того, чтобы осознать тот факт, что его карьера в ФБР закончилась.

Когда начался суд над Джеффри Дамером, не было ни одной газеты, журнала или вечернего ток-шоу, в котором так или иначе не затронули тему Милуокского монстра. Эта привычка журналистов придумывать клички всем серийным убийцам всегда раздражала людей, занятых расследованием преступлений маньяков. Понять ход мыслей человека, совершившего убийство, можно. Но вот что можно сделать с монстром? Как понять его мысли? Придумывая клички, пресса не только тешила самолюбие преступников, но и как будто лишала их статуса человека. «Кто, кроме чудовища, сможет убить десятки человек?» — часто восклицали на ток-шоу так называемые «эксперты». Ресслера постоянно приглашали на подобные мероприятия, и таких выкриков он слышал множество. Профайлер должен понимать преступника, представлять себя на месте серийного убийцы, а журналисты низводили этот труд до статуса зоопсихолога, разгадывающего мысли утконоса.

22 июля 1991 года Джеффри Дамера арестовали в его квартире под номером 213. Узнав об этом, Роберт предполагал, что со дня на день его пригласят провести серию бесед с Дамером. Но этого не произошло. Ни через неделю, ни через несколько месяцев. Конечно, профессиональное любопытство буквально сжигало его. Ресслер продолжал считаться главным специалистом по серийным убийцам в стране, и на всех встречах, лекциях и интервью его теперь спрашивали лишь о том, когда он даст свое заключение по Дамеру. О том, что это заключение Ресслера никто даже не попросил сделать, никто даже подумать не мог.

Ресслер решил задействовать свои старые связи и сделал несколько звонков, чтобы организовать встречу с Дамером. В конце концов, это было необходимо, хотя бы

для его новой книги. Ему пообещали «сделать все возможное», но так и не позвонили.

Лишь в январе 1992 года, когда выяснилось, что судьбу Дамера будет решать суд присяжных, Роберту удалось встретиться с ним. Обвинение настаивало на том, чтобы было принято заключение нескольких психиатров, уже проводших экспертизу Дамера, но против прошения о заключении самого Ресслера никто выступить не решился.

Наверное, нужно сказать несколько слов о нем. По нему никогда нельзя было сказать, сколько ему лет. Поначалу такие люди выглядят много старше своих лет, а затем пересекают грань усталости и начинают поражать всех своих родственников прогрессивностью своих взглядов. Все просто. Человек выглядит не на свой возраст, но на то количество опыта, которое ему отмерила судьба. Заметили, наверное, что многие путешественники, певцы и музыканты, как ни стараются, попросту не могут выглядеть моложе своего возраста, лишь потому, что пережили значительно больше своих ровесников. Одетый в строгий костюм, в своих неизменных огромных очках, заслонявших его от самых темных глубин самых черных в истории душ, сейчас он выглядел уже немного уставшим. Нужно было признать, что он больше не незаменим, да и может ли вообще человек быть незаменимым? Если речь идет о такой огромной системе, как ФБР?

— Пройдемте, мистер Ресслер, мы уже подготовили переговорную, — сообщил подошедший парень в форме, на вид ему было лет двадцать и на лице его явственно читалась гордость от того, что он участвует в этом историческом событии: встрече двух легенд.

В переговорной Ресслер встретил адвоката Дамера Джеральда Бойла, без присутствия которого Ресслер не имел больше права беседовать с обвиняемым. Они подо-

ривались и начали разговаривать о какой-то никому не интересной ерунде. По негласному закону, в переговорной не заводили разговоров о семье, даже самых обобщенных и нейтральных. Ресслер как никто знал, как важно максимально оградить семью от повседневного ужаса, с которым приходилось сталкиваться на работе.

Дверь переговорной открылась, и небольшое помещение моментально переполнилось людьми. Три конвоира вели невысокого, хорошо сложенного молодого человека в точно таких же очках на половину лица, как и у самого Ресслера.

— Здравствуйте, — тихо кивнул он и продолжил стоять.

Роберт отодвинул стул, но, заметив вопросительный взгляд Дамера, вспомнил о конвоирах и предложил ему сесть вслух.

— Как ты отнесся к известию о том, что тебе предстоит еще одна серия бесед с психиатром? — поинтересовался Роберт, когда конвоиры вышли из переговорной.

— Хорошо. Мне кажется, что это то единственное, что я могу сделать для пользы общества. Чем больше вы выясните, тем лучше сможете защищать людей от таких монстров, как я, — тихо, но уверенно говорил он. — И мне бы хотелось, чтобы вы сказали, безумен ли я. — На этой части фразы голос его дрогнул. Вряд ли это заметил сидящий рядом Джеральд Бойл, но Роберт отчетливо услышал это изменение интонации.

— Возможно, ты болен, или безумен, возможно, нет, но я против того, чтобы кого бы то ни было называли монстрами, — размеренно произнес он.

В первую встречу Роберт задавал те же вопросы, что и десятки психиатров до него. На следующий день беседа была уже чуть менее формальной. Дамер пришел на нее с большой коробкой, которую отдал Роберту, когда

интервью подошло к концу. Профайлер осторожно взял ее, но, прежде чем открывать, поинтересовался, что в ней. Конечно, там не могло содержаться чего-то пугающего, но часом ранее Дамер рассказывал о том, как поместил голову одной из жертв в железный сейф и долгое время хранил ящик в своей комнате. Сейчас перед Робертом стоял обычный человек, пациент или клиент, но иногда забыть о том, что сделал сидящий перед ним человек, бывало трудно.

— Это письма моих поклонников. Я уверен, что эти люди нуждаются в психологической помощи, и думаю, что им еще можно помочь. Вам они нужнее, чем мне, — пояснил Дамер.

Это была лишь малая часть корреспонденции, которую получал Джеффри Дамер. На тот момент его популярность лишь немногим уступала популярности хип-хоп-исполнителей тех лет. Фанаты серийных убийц — особая категория людей. В абсолютном большинстве случаев они не рисковали стать убийцами, как думал Дамер, но вот стать жертвой маньяка они могли легко. Впрочем, даже это не было главным. Страшнее было то, что те люди, кто когда-либо всерьез задумывался о том, чтобы совершить убийство, перейти за грань самого страшного порока, видели то, как моментально серия чудовищных преступлений превращала тихого и незаметного человека в звезду. Жажда славы и признания редко была целью действий маньяка, но практически всегда являлась сопутствующим мотивом. Когда Роберт Ресслер заглянул в коробку, он увидел аккуратные стопки писем, перевязанные почтовой бечевкой. Их никто даже не пытался прочесть.

В тот момент не было уже в Штатах журналиста, не написавшего статью про Милуокского монстра по имени Джеффри Дамер. Стоит ли говорить, что в уединенном

и обособленном штате Милуоки все разговоры рано или поздно сводились к обсуждению ужасов, творившихся в квартире 213.

После той второй встречи я решил поинтересоваться у Роберта, в чем, по его мнению, заключается феномен Дамера.

— Что обычно женщины называют, когда описывают свой идеал?

Не помню точно, что я перечислял, но среди прочего я назвал чувство юмора, интеллект, искренний интерес к личности, желание создать семью. На последнем пункте все, кто был тогда в офисе, начали саркастически улыбаться.

— Девушки все прощают красивым парням, — откликнулся собирающийся домой парень, имени которого я не знал. Он был полноват для своих лет, что, судя по всему, стало причиной его проблем с девушками.

— Дамер просто пример искреннего интереса к внутреннему миру людей и любви к животным, — хмыкнул Ресслер. — Он ведь хотел, чтобы его искренне любили, хотел безраздельно властвовать над любящим его человеком. Не получив этого в должном объеме, его сознание извратило эти вполне обычные для мужчины желания в эту страшную и уродливую форму, — задумчиво добавил он.

Это тогда показалось дежурной шуткой старого профайлера, но чем больше я узнавал о жизни Дамера, тем больше в ней появлялось смысла. Его действительно интересовал внутренний мир человека, и единственным осмысленным мотивом его действий было желание искренней и безусловной любви. И вот это уже пугало. Кто-то направляет эти желания в работу, желая спасти сначала весь мир, а потом хоть кого-то. Кто-то сосредотачивается на благополучии своей семьи, из тех же самых побуждений.

Иногда по тем же причинам человека сжигают приступы необоснованной ревности, ярости или агрессии. Иногда человек приковывает свою вторую половину к дому (иногда и в прямом смысле, но чаще в переносном). А если нет ни семьи, ни работы, способных создать эту иллюзию безусловной любви? Ответ на этот вопрос зависел от психиатрической экспертизы Дамера. Ведь если он безумен, это проблема природы, но если вменяем, это бы значило, что чудовище скрывается в душах каждого из нас.

Глава 1

Меня всегда злит, когда кто-то пытается обвинить во всем произошедшем моих родителей. Эти заблуждения не имеют ничего общего с реальностью. Мои родители не имели понятия о том, чем я занимался, о чем думал...

Джеффри Дамер

1959 год

— Погодите, то есть вы больше не выпишите мне эти таблетки?! — воскликнула красивая девушка в кабинете врача терапевта центрального госпиталя Милуоки.

— Нет, мисс Дамер, мне очень жаль. Курс пока не закончен, но мы не можем рисковать. Действие этого препарата на беременных пока не изучено, — сообщил врач. Красивая девушка была замужем за уважаемым ученым и ждала ребенка, какой тут может быть повод для грусти? По правде говоря, он не понимал, зачем ей вообще нужны антидепрессанты.

Депрессия — самая удивительная из всех психических болезней. Ее можно и, безусловно, нужно лечить, но невозможно вылечить. Нет-нет, это вовсе не повод лезть в петлю. Депрессия проходит, но вовсе не оттого, что вы ее лечили. Она проходит сама по себе. Рано или поздно вы почувствуете, что ваши глаза наполнились слезами. Родственники и друзья встревожатся и начнут переживать, но на самом деле слезы — это хорошо. Это значит, что депрессия пока еще медленно и неохотно выпускает вас из своих крепких и липких объятий.

Поразительно, но именно в XX веке число людей, в той или иной форме страдающих от этого заболевания, перевалило за 30%. Больше трети всего человечества. Упомянем тот факт, что во время войн, природных или техногенных катастроф этот процент падает до совершенно незначительной цифры. Да и кому вообще интересны люди с депрессией, когда идет война или надвигается очередное цунами? Если убрать из статистики страны Африки и некоторые страны Азии, в которых у людей попросту нет времени на то, чтобы обращать внимание на свое психическое здоровье. Итак, мы получаем поразительные цифры. В условиях более или менее благополучной и размеренной жизни, когда один день отличается от другого не больше, чем вид из вашего окна вчера отличается от того пейзажа, который вы видите сегодня, мозг попросту перестает замечать гормоны радости, которые продолжает получать. Хотя, если он их не видит, зачем эти гормоны вообще нужны? Организм человека — самая точная и эргономичная машина, какая когда-либо существовала на свете. Все то, что не используется, моментально начинает отмирать, атрофироваться, давая возможность развиваться другим системам.

Вполне успешные в своем деле, имеющие семью и друзей люди в какой-то момент вдруг начинали гаснуть. Большинство из них списывали все на сезонную хандру или первые приметы возраста, но кое-кто утрачивал способность работать и поддерживать видимость нормальной жизни. Тогда они шли к врачам, которые поначалу попросту не знали, что посоветовать таким пациентам. Конечно, доктор Фрейд прописывал таким людям вполне безобидное средство*, которое имело весьма приятный

* Имеется в виду сильнодействующий наркотик, который во времена работы З. Фрейда применяли для лечения депрессий, неврозов, алкоголизма и многих других психических болезней. — *Прим. ред.*

веселящий эффект, но очень скоро стало очевидно, что эта безобидная микстура подозрительно быстро вызывает привыкание. Чуть позже появились антидепрессанты, а уже во второй половине XX века появились и лекарства нового поколения. Они не вызывали привыкания в обычном понимании этого слова, никак не ухудшали качество жизни человека и, самое главное, делали мир человека с депрессией нормальным. В нем все так же было мало красок и радости, но теперь с этим можно было жить, а это ведь немаловажно. Мозг получал достаточное для нормального функционирования количество гормонов, отвечающих за положительные эмоции, и продолжал работать в привычном режиме. Если что-то дается просто так, зачем это вырабатывать? Зачем тратить драгоценные ресурсы (а мозг — самый энергозатратный орган, за время шахматной партии человек тратит столько же калорий, сколько и во время пробежки) на то, что и так дадут минут за пятнадцать до приема пищи? Такие таблетки существенно снижали выработку гормонов радости, но, согласитесь, это ведь не такая высокая плата за возможность жить более или менее полноценной жизнью? Человек пропьет длительный курс препаратов, психика стабилизируется и накопит достаточно ресурсов для того, чтобы настроиться на нормальную работу уже без препаратов.

Это 1959 год. По телевизору беспрестанно рассказывают о различных митингах и акциях против войны во Вьетнаме, которые устраивают странные люди в брюках клеш, цветных рубашках и с давно не мытыми волосами. Поразительно, но среди них очень много девушек-студенток. Впрочем, это где-то там, далеко, в Нью-Орлеане, Вашингтоне, Нью-Йорке. Хуже осознавать, что ее муж Лайонел каждый день видит сотни таких же девушек, приезжая в университет на занятия. Когда Джойс впервые приеха-

ла к Лайонелу в университет Маркетт, она была поражена тем, какое количество девушек там учится.

Студенческий городок занимает довольно обширную территорию, в сердце которой находится небольшой парк и лужайка. Джойс приезжает в середине дня, когда у Лайонела уже закончились занятия. Молодой человек ведет девушку на лужайку. Так проводят свое свободное время сотни других студентов. Здесь прогуливают пары, замышляют безумные выходки, пьют пиво, прикрывая банки бумажными пакетами, за углом можно было купить какие угодно наркотики... Здесь уже ощущался дух свободы, который привнесла с собой хиппи-культура, но только здесь, на лужайке перед университетом. В других уголках штата все еще правят консервативные 1950-е.

Джойс приехала в аккуратном белом платье с пышной юбкой ниже колен и небольшой корзинкой для пикника. Она выглядит так, будто бы сошла с экранов дневной мыльной оперы. Именно этим девушка и нравится ему.

— Может быть, мне тоже попробовать поступить в университет? — в очередной раз интересуется она.

— Не говори глупостей. Тебе же нравится работать на почте, ты сама же об этом говорила.

Они собираются пожениться, а в Висконсине и по сей день считается признаком нищеты, если белая замужняя девушка выходит на работу. Что уж и говорить о 1959 годе. Джойс работает на почте, принимает сообщения для телеграмм, вполне приличная для девушки работа.

— Кто будет платить за твоё обучение? — уже чуть спокойнее спрашивает Лайонел, доставая новый сэндвич из корзинки.

— Я же работаю на почте! — возмущается девушка.

Это звучит скорее как шутка. Даже если двадцать лет работать на почте в две смены, вряд ли можно было бы оплатить обучение в университете, а Лайонел только через

пару месяцев должен был получить степень бакалавра-химика. О каком-то серьезном доходе вряд ли можно будет мечтать в ближайшие пару лет. Конечно, им бы одобрили кредит на обучение, но какой в этом смысл, если кредит на дом значительно нужнее?

Родители Джойс говорят девушке то же самое, добавляя к этому, что она окончательно сошла с ума. В семье Джойс эти слова имеют особое значение. Бабушка девушки всегда была немного не в себе, а ближе к сорока окончательно сошла с ума. Возможно, на то повлияла тяжелая жизнь, которая выпала на ее долю после переезда из Швеции в Штаты, или же Великая депрессия, которую ей также довелось пережить, но факт оставался фактом: бабушка Джойс с сорока лет начала впадать во все более длительные периоды безумия, которые вскоре перестали сменяться краткими просветлениями. Та же судьба была уготована и тете девушки, которая пока еще была в здравом уме.

Джойс не оставили выбора. Вскоре они с Лайонелом поженились. Молодой человек, как и полагается мужчине, настоял на том, чтобы его жена ушла с работы и посвятила себя дому. Денег у молодой семьи пока нет, поэтому им приходится арендовать небольшой одноэтажный дом на окраине Вест-Эллиса, городка на сотню домов рядом с Милуоки.

Маленький дощатый дом на окраине еще более захолустного городка, чем тот, в котором прошло ее детство, на долгое время стал ее тюрьмой. Никогда и ничего больше не поменяется. Все будет только хуже. Когда она родит детей, последняя надежда на счастье и свободу будет сожжена.

С каждым днем Джойс становится все более мрачной и грустной. С каждым днем приходящий с занятий Лайо-

нел раздражает ее все больше. Молодой человек старается, как может, подрабатывает везде, где удастся, но денег все равно не хватает, а раздражение — накапливается.

Чтобы как-то себя развлечь, Джойс частенько посещает публичную больницу. Здесь, в обществе бродяг и алкоголиков, она ждет своей очереди к врачу. Если повезет, здесь можно получить рецепт на сильные обезболивающие, которые хотя бы ненадолго успокаивают ее тревогу. На фоне бродяг и алкоголиков девушка в элегантном платье ниже колен, да еще и замужняя, производила очень приятное впечатление.

— По моему мнению, вы совершенно здоровы, мисс, — заключил очередной терапевт в публичной больнице Милуоки.

— Миссис, — гордо подчеркнула Джойс, — но у меня болит спина, понимаете? Я не могу ни есть, ни спать от этих болей! — Голос девушки уже звенит от напряжения.

Доктор внимательно смотрит на девушку, но ничего не говорит. Мужчина долго и задумчиво крутит ручку у себя в руках. Джойс продолжает сидеть на стуле, даже не пытаясь как-то еще аргументировать свое желание получить рецепт на обезболивающее.

— Вы бы не хотели обратиться к еще одному специалисту, миссис? — наконец спросил доктор.

Терапевт советует девушке обратиться к психиатру. Как ни странно, Джойс не возмущается, а даже напротив, благодарит врача и пересаживается в очередь к психиатру. В тот день ей выписывают антидепрессанты.

Когда Лайонел приходит со своей смены в магазине, он попросту не узнает свою жену. Джойс не осыпает его упреками, не устраивает истерики, она... Она даже улыбается.

Конечно, антидепрессанты, тем более 1950-х годов, не могли подействовать сразу. Ощутимого эффекта можно

было ждать только через пару-тройку недель, но уже само предвкушение этого результата помогло ей. Внезапно она почувствовала, что жизнь все же продолжается и, вполне вероятно, впереди ее ждет еще много удивительных событий. Скоро Лайонел получит работу, они переедут, а там, в другом прекрасном городе, ее обязательно ждут новые удивительные события.

Постепенно ее настроение стабилизируется. Кажется, что мир вокруг хорошенько помыли и высушили на ярком солнце. Ах да, еще вдруг появилось и само солнце, которое почему-то Джойс уже давно перестала замечать. В сочетании с обезболивающими прописанные врачом антидепрессанты дают удивительный эффект. В теле появилась легкость, время пролетало незаметно, жизнь казалась легче и проще.

Врачи в публичных больницах меняются с завидной периодичностью. На тяжелую и низкооплачиваемую работу соглашались в основном выпускники-троечники, которые не успели в последний год обучения найти себе более или менее приличное место работы. Проработав пару месяцев, они благополучно переходили на любую другую службу, притом желательно не только в другом городе, но и в другом штате, подальше от вечно хмурого Висконсина.

Джойс узнает о своей беременности незадолго до того, как ее запас рецептов на антидепрессанты стал заканчиваться. У нее еще даже живот не заметен, а этот врач ей уже предлагает забыть об этом замечательном, солнечном мире, который она обрела благодаря таблеткам. Как она и предполагала, ребенок означает только одно: прощание с надеждами на лучшую жизнь. Проблема состоит в том, что она не предполагала, что это прощание произойдет так быстро.

В тот вечер она закатывает мужу невероятный скандал за его небольшую задержку на работе. Мужчина уходит из дома, хлопнув дверью, и возвращается лишь под утро. Нелюдимый и довольно мрачный Лайонел никогда не имел друзей, и уж точно у него нет приятелей, к которым он мог бы обратиться в трудную минуту. Всю ночь ему пришлось провести в машине, в компании с упаковкой дешевого пива из супермаркета. На следующий день все вновь повторяется. И потом, на следующий, тоже.

— Ты уже перестала пить свои таблетки? — интересуется он спустя пару дней.

— Врач запретил мне их пить, — хмуро бросает девушка, доставая тарелки для завтрака.

— Мне кажется, тебе стоит возобновить курс, — говорит Лайонел. — Для ребенка важнее всего, чтобы мать была счастлива.

Эти слова даются ему с трудом. Он точно знает, что поступает неправильно, но в то же время он понимает, что именно это хотела от него услышать Джойс. И оказывается прав. Услышав это, девушка просияла и настроение ее моментально изменилось. Лайонел списал тогда все на гормональные перепады, свойственные всем беременным.

Получив официальное разрешение, пусть и не от доктора, но от мужа, девушка получила карт-бланш. Она тут же записывается на прием в публичную больницу в соседнем городе. Естественно, называет вымышленные имя и фамилию, и, конечно, в такой больнице никто и никогда даже и не думает проверять данные, полученные от пациента. Продолав такой маневр несколько раз и с разными больницами, девушка скапливает целую стопку рецептов на антидепрессанты, которые, как драгоценности, складывает в красивую резную шкатулку, когда-то подаренную ей свекровью.

Спустя девять месяцев Лайонел отвозит Джойс в Евангелистский публичный госпиталь Вест-Эллиса, где девушка и благополучно рождает здорового мальчика.

Когда Лайонел узнает о том, что у младенца две руки, две ноги и одна голова, он впервые за долгое время вздыхает с облегчением. Джойс принимала таблетки в течение всех этих долгих месяцев. Несколько раз он пытался заставить девушку прекратить принимать лекарства, но всякий раз это заканчивалось дикой истерикой и угрозой выкидыша. Лайонел всякий раз пасовал и на некоторое время оставлял попытки образумить жену.

Каждое утро Джойс как ни в чем не бывало заходила в ванную комнату, открывала вечно скрипящий шкафчик с зеркалом и начинала методично открывать баночки с лекарствами. В итоге набиралась целая горсть препаратов, образующих специфический коктейль из обезболивающих и антидепрессантов. Благодаря этому набору в их семье сохранялась видимость нормального существования. Правда, день за днем тревога за малыша у Лайонела нарастала. Он стал читать всевозможные книги и брошюры для будущих родителей. Поначалу это были бесплатные проспекты из школы, в которую он устроился работать, затем это уже были дорогие книги в мягком переплете из раздела распродаж в книжном магазине, потом — уже довольно дорогие издания и подписки на журналы для будущих родителей. Все это вызывало отвращение и гнев со стороны Джойс.

— Ты думаешь, что я буду плохой матерью? Думаешь, что я не могу справиться даже с этим?! — кричит девушка, выкидывая новую порцию журналов. С подобной интонацией можно было бы выкидывать порнографическую про-

дукцию, коей у Лайонела было предостаточно, но вот что плохого в этих книгах, понять невозможно.

Джойс ведет себя все более странно. Доходит до того, что она начинает переключать телевизионные каналы, когда видит на экране какого-то ребенка, и даже перестает смотреть пару своих когда-то любимых ей сериалов.

— У тебя сын, — говорит девушка, когда видит Лайонела в дверях больничной палаты. На ее лице сейчас не читается никаких эмоций.

— Мне уже сказали, — отвечает ей муж и улыбается.

— Лайонел, дорогой, ты принес мне таблетки? — спрашивает девушка.

— Не думаю, что тебе уже можно их... — начинает было Лайонел, но договорить не успевает.

— Зачем ты тогда вообще пришел? — верещит девушка. По лицу ее уже градом катятся слезы.

Эту картину и застает медсестра, принесшая в палату ребенка. Она с укором смотрит на Лайонела и направляется к молодой маме.

— А его вы зачем принесли, зачем мне это вот принесли, я не могу... — плачет Джойс. Вот тут уже акушерка отступает. Она проработала в госпитале уже без малого двадцать лет и видела немало девушек, которые поначалу пугались материнства. Обычно это были слишком юные девушки, еще не созревшие для брака. Джойс исполнилось уже 23 года, самое лучшее время для родов, но кто его знает, все ведь по-разному взрослеют.

Медсестра начинает медленно отходить к стене, чтобы положить малыша в кроватку, но Джойс не дает этого сделать. Девушка хватается лежащую рядом подушку и швыряет ею в акушерку. Медсестра успевает увернуться от подушки, не потревожив ребенка. Тем не менее все же уносит его.

Джойс оставляют в больнице на пару дней, чтобы убедиться в том, что ее самочувствие пришло в норму. С каждым днем девушке становится все хуже. Она вот уже несколько дней не принимала лекарства. Внезапно на нее обрушивается невероятная, свинцовая усталость. Она встает с кровати лишь для того, чтобы сходить в туалет, а затем вновь вернуться в постель. Несмотря на наличие молока, наотрез отказывается кормить ребенка и предпочитает спать по двадцать часов в сутки. Проснувшись она продолжает лежать с закрытыми глазами. Изредка сквозь свинец тошноты и усталости до нее доносятся чьи-то голоса, то ли врачей, то ли Лайонела, но вскоре она вновь падает в бездну тяжелого, мучительного сна.

На третий день этого непрекращающегося ада Лайонел забирает жену домой, так как денег на то, чтобы оплачивать палату, уже совсем не остается.

Знакомая обстановка благотворно влияет на девушку. К удивлению Лайонела, девушка начинает кормить ребенка, ухаживать за ним и даже кое-как проявлять тепло и заботу по отношению к сыну. Более того, она перестает принимать таблетки. Ну, по крайней мере, так говорит.

Глава 2

Да, я раскаиваюсь, но знаете, я даже не могу быть уверен так ли глубоко мое раскаяние, каким должно быть. Я всегда удивлялся, почему не могу испытывать глубокие эмоции, такие, о которых всегда говорят и пишут. Даже не знаю, могу ли я испытывать нормальные эмоции или нет.

Джеффри Дамер

19 марта 1964 года

— Нет, Джефф, ты не будешь есть мороженое перед обедом, — категорично заявила Джойс, захлопнув перед ним дверцу холодильника. Джефф уже было собирался заплакать, но тут живот его свело, и он упал на пол, начав корчиться от боли.

— Прекрати притворяться, это не смешно, — начала Джойс.

Джефф даже и не думает прекращать. Он продолжает извиваться в припадке боли на полу кухни.

— Тогда я ухожу, чертов клоун! — злится Джойс и намеренно громко хлопает дверью.

Джефф с недавнего времени приобрел привычку изображать какой-нибудь припадок. Так он не раз пугает и соседей, и немногочисленных друзей семейства Дамеров. Джойс уже привыкла к таким спектаклям. Она решает уйти в гостиную и подождать Джеффа там. Рано или поздно ему надоест изображать приступ. Зрителей-то для концерта нет.

Входная дверь открывается, и в гостиную входит Лайонел. Он видит Джойс, заснувшую прямо на диване в гостиной. Джеффа не слышно. Видимо, смотрит очередной мультфильм. Он практически все свободное время проводит либо с комиксами, либо с телевизором. С одной стороны, плохо, что у него нет друзей, ну а с другой, ведь и сам Лайонел был точно таким же в детстве. В этот момент Лайонел открывает дверь на кухню и видит распластавшегося на полу и уже посиневшего сына.

— Джефф, что с тобой, Джефф? — начинает тормошить его Лайонел.

* * *

1960—1969 годы

Джефффри Лайонел Дамер рождается 21 мая 1960 года. По всем показателям это совершенно здоровый малыш. Он хорошо кушает, спокойно спит, быстро набирает вес и опережает в развитии всех своих сверстников. Впрочем, Джойс и Лайонел слишком заняты, чтобы замечать это.

Отец Джефффри тратит все свои силы на то, чтобы поступить в магистратуру, но денег на это катастрофически не хватает. Кредит на обучение молодой семье с малым ребенком на руках никто не спешит одобрять, а без степени можно не надеяться на место преподавателя химии в университете.

Они все так же живут в крохотном доме где-то на окраине Милуоки, все так же яростно пытаются изобразить то семейное счастье, которое показывают по телевизору. Джойс не стремится много времени проводить с ребенком. Можно было бы нанять няню, но Лайонел категорически против того, чтобы кто-то приходил к ним домой. Это касается не только няни, но и друзей не слишком общительной, но отчаянно скучающей Джойс.

— Через пару месяцев мы переезжаем в Айову, я подал документы в магистратуру местного университета, — говорит как-то утром Лайонел. На секунду в комнате становится слишком тихо. Лайонел как будто не замечает того, как безмолвно взрывается натянутое, как тетива, напряжение между ними. Он отпивает кофе из кружки и даже перелистывает газету на последнюю страницу.

— Ты даже не считал нужным посоветоваться со мной? — дрожащим голосом спрашивает девушка.

С одной стороны, она, конечно, мечтала выбраться из невыносимо тоскливого Вест-Эллиса, но с другой — она не менее отчаянно боялась переезда. Несколько последующих месяцев превращаются для Лайонела в непрекращающийся, тихо закипающий ад. Он старается как можно больше времени проводить на работе, за счет чего получает репутацию трудоголика. Он вовсе не карьерист и не трудоголик, просто ему очень сильно не хочется идти домой.

Айова мало чем отличается от Висконсина. Один небольшой городок на среднем Западе сменился другим. Лайонелу удалось получить место в университете, что значительно упростило кредитные условия для магистратуры. Ради сына нужно было подумать о собственном жилье, поэтому Лайонел и Джойс все же решились на покупку дома. Теперь практически все, что зарабатывал Лайонел, уходит на погашение долгов, но во всем остальном жизнь вроде бы наладилась. Джойс даже, кажется, стала больше времени уделять сыну. Как только они оказываются в непосредственной близости от детского садика, в который отдали Джефффри, Джойс начинает беспрестанно поправлять одежду сына, вытирать сопли, без конца щупать и обнимать ребенка. Со стороны она кажется карикатурно-заботливой мамочкой, но еще более странно это видеть Лайонелу. Он как никто знал, что Джойс никогда в

жизни без необходимости не то чтобы не брала на руки, но даже не прикасалась к сыну.

Лайонел, Джеффри и Джойс селятся в небольшом одноэтажном доме в городке, расположенном в полудне езды от университета Айовы. Четыре широких пустынных улицы в лучших традициях шоссе 66*, пара магазинов и скобяных лавок, пара супермаркетов и церковь — вот, собственно и все, что может предложить этот город. Было еще пара баров на центральной площади, но, конечно, Джойс и Лайонел стараются обходить их стороной. Несмотря на безумие Вудстока**, здесь все еще считается, что ни девушки, ни семейные пары в бары ходить не должны. Есть небольшая пиццерия рядом с супермаркетом, вот туда они ходят пару раз в неделю.

Лайонел старается большую часть времени проводить на террасе перед домом. Иногда он приезжает ближе к одиннадцати вечера и, увидев, что окна дома все еще горят, старается как можно тише пробраться к лавочке на террасе, где открывает заготовленное заранее пиво и си-

* Route 66 (U. S. Route 66, также известное как Шоссе Уилла Роджерса, в разговорной речи также известно как «Главная улица Америки» или «Мать Дорог») — одно из первых шоссе в системе нумерованных автомагистралей США. Шоссе 66 было открыто 11 ноября 1926 года. Тем не менее, дорожные знаки отсутствовали до 1927 года, а полное асфальтовое покрытие дорога получила к 1936 году. Изначально шоссе начиналось в Чикаго, штат Иллинойс, проходя через штаты Миссури, Канзас, Оклахома, Техас, Нью-Мексико, Аризона, и заканчивалось в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, охватывая в общей сложности 3940 километров (2448 миль).

** Вудстокская ярмарка музыки и искусств (в разговорной речи Вудсток) — один из знаменитейших рок-фестивалей, прошедший с 15-го по 18 августа 1969 года на одной из ферм городка в сельской местности Бетел, штат Нью-Йорк, США. Событие посетило около 500 тысяч человек, а среди выступавших были такие исполнители, как The Who, Jefferson Airplane, Дженис Джоплин, Creedence Clearwater Revival, Джоан Баэз, Джо Кокер, Джими Хендрикс, Grateful Dead, Рави Шанкар, Карлос Сантана и многие другие.

дит в абсолютной тишине, дожидаясь того момента, когда окна в доме наконец погаснут. С сыном он общается мало по той простой причине, что это сложно организовать. Прогулка с ребенком предполагает прогулку и с Джойс. Он все еще любит ее, но если пару часов в день с ней можно было провести вполне спокойно, то за время такой прогулки, даже если они не ссорятся, а вполне мирно изображают идеальную пару, его охватывает совершенно невыносимое ощущение безысходности.

Иногда вечера в семействе Дамеров проходят именно так, как в любимых мыльных операх Джойс. Лайонел возвращался домой около восьми вечера и проходит на кухню. Здесь, перед телевизором, уже сидит Джеффри. На экране моряк Попай* поедает свою порцию шпината. Лайонел присаживается рядом с сыном и начинает ждать ужина. Джойс никогда не любила готовить, но в такие вечера все же собирается с духом и отправляет на сковородку пару стейков.

— Я не хочу есть! — заливался слезами трехлетний Джеффри, когда перед ним оказывался кусок только что поджаренного мяса с кучей нелюбимых им овощей.

Лайонел начинает молча жевать кусок плохо прожаренного мяса. Слышится лишь неприятный стук металлического ножа о тарелку. Джеффри безо всякого энтузиазма ковыряет детской вилкой в овощах. Почему-то в этот момент всегда возникает такое напряжение, какое обычно бывает на экзамене. Причем Джеффри и Лайонел в роли нерадивых студентов.

— Прекрати капризничать! Мальчики не капризничают! Ешь немедленно! — возмущается женщина.

— Я не хочу...

* Моряк Попай (*англ.* Popeye the Sailor, имя образовано от *англ.* por-eyed «лупоглазый», «пучеглазый», буквально «Лупоглаз») — герой американских комиксов и мультфильмов.

— Ешь, — тихо шипит Лайонел. — Не обижай маму.

— Ну конечно, тебе не нравится, как я готовлю. Эти мамы из детского сада рассказывают, как я плохо готовлю, а ты веришь, — восклицает Джойс, лицо которой уже начинает кривиться от подступающих слез. — Мне все говорили, что ты отстаешь в развитии, но я не хотела верить...

Джеффри начинает как можно быстрее заталкивать в рот куски мяса, но это не помогает. Лайонел с тоской смотрит на сына и начинает привычно успокаивать женщину. Он встает из-за стола и идет к жене, но всегда останавливался в полуметре от нее и еще мгновение медлит, прежде чем положить ей руку на плечо.

— Садись за стол, дорогая, ты же, наверное, так устала за сегодня, — говорил он. Через несколько минут Джойс все же садится за стол и, все еще всхлипывая, накладывает себе в тарелку еду. И вот она уже разрезает свой стейк, но, как назло, ей попадается самый непрожаренный кусок. Она кривится от отвращения и бросает нож на стол. Прибор перелетает через всю поверхность стола и падает между Джеффри и Лайонелом.

— Вы не могли сказать, что мясо не прожарено?! Зачем ты разрешил ребенку это есть? А ты зачем ешь? — закипает женщина.

— Даже здесь ты умудряешься все испортить, — с досадой шипит Лайонел.

Самой нормальной и естественной реакцией в этом случае будут слезы. Вот Джеффри и плачет, но только сначала. Впоследствии он учится отключаться. Как только голоса родителей достигают определенного уровня децибел, мальчик перестает их слышать и молча ест то, что было на тарелке, стараясь вникнуть в то, что показывали на экране громоздкого телевизора.

Утро следующего дня мало чем отличается от предыдущего. Лайонел старается уйти до того момента, когда

проснется жена. Он любит ее, но ему просто жизненно необходимо выпить утренний кофе в одиночестве. Будильник Джеффа звонит ровно в тот момент, когда хлопает входная дверь. Он тут же просыпается. Спустя пару минут дверь в комнату приоткрывается. Джойс неловко стоит на пороге и говорит:

— Просыпайся, пора в садик.

Через несколько минут заспанный Джеффри уже ползает на кухню. Несмотря на взъерошенный вид, он уже одет и собран. Джойс, ни слова не говоря, ставит перед ним пластиковую бутылку с молоком, коробку с хлопьями и тарелку. Наконец Джойс догадывается включить телевизор, моментально разрушающий мертвенную тишину.

Все так же молча и немного неуклюже они идут к машине, так же едут к садику, расположенному на другом конце города. Джойс паркует машину совсем близко от входа. Джефф выходит из салона и ждет самого странного момента всего дня.

— Иди сюда, — говорит Джойс и нагибается, чтобы поцеловать сына в щеку. Джефф инстинктивно отстраняется, чувствуя напряжение и неловкость, с которыми приходится бороться Джойс, чтобы выполнить этот необходимый любящей матери ритуал. — Веди себя хорошо, — говорит на прощание она.

Когда Джойс приезжает в садик, чтобы забрать сына, оказывается, что к завтрашнему дню срочно нужно купить или сделать маскарадный костюм. Все встреченные по дороге мамочки интересуются, какой костюм собирается шить Джойс. Женщина бормочет что-то невразумительное и тащит за руку сына. Приходится сразу ехать в ближайший супермаркет, где в отделе хозяйственных товаров всегда валяется несколько нераспроданных с прошлого Хэллоуина костюмов. Джефф в предвкушении нового костюма Бэтмена, который, о чудо, находится среди жуткого вида шапок, изображающих белок и собачек.

— Не веди себя как идиот, над тобой будут смеяться, а значит, и надо мной тоже, — раздражается женщина и отбирает костюм Бэтмена. Вместо него она находит костюм пушистого зайца, который, по ее мнению, больше подходит ребенку трех лет.

— Вот в нем ты будешь выглядеть самым красивым мальчиком, — удовлетворенно говорит женщина.

— Но я хочу костюм Бэтмена, — робко начинает хныкать ребенок, будто пробуя почву, есть надежда на покупку костюма или нет.

— В нем ты будешь идиотом, — отрезает женщина и быстро шагает к кассе.

Вечером, когда домой возвращается Лайонел, Джойс просит Джеффа примерить новый маскарадный костюм. Мальчик горестно вздыхает и плетется в свою комнату, чтобы примерить новый костюм. Плюшевый комбинезон стесняет движения, в нем нельзя ни руки поднять, ни побежать.

— Смотри, какой у нас красивый мальчик, — фальшиво восклицает Джойс, когда Джефф появляется на пороге кухни.

— В магазине не было чего-нибудь более мужественного? — скептически спрашивает Лайонел.

— Если тебе не нравится, мог бы сам позаботиться об этом! — парирует женщина.

Джефф решает, что лучше молча удалится в свою комнату, ведь скоро начнется последний на сегодня выпуск дядюшки Полая.

— Разве в магазине не было более подходящих для мальчика костюмов? — жеманно интересуется у Джойс мама какой-то девочки в костюме принцессы.

— Был костюм Бэтмена, но Джефф решил, что этот ему больше нравится. Главное ведь, чтобы детям нра-

вилось, — легко находится Джойс, наблюдая за тем, как Джефф неуклюже мнетя в углу зала, пытаясь научиться двигаться в этом комбинезоне.

— Конечно! Я тоже всегда так говорю, — преувеличенно восторженно восклицает дама.

В этот момент пара мальчиков в костюмах супергероев решают напасть на зайца. Остальные дети с интересом наблюдают за происходящим. Кто-то уже толкает Джеффа, тот, естественно, падает. В этом комбинезоне даже толкать было не обязательно, Джеффри и сам бы упал. Дети уже собираются в плотное кольцо, с интересом наблюдая за тем, как пытается подняться плюшевый заяц. И вдруг дети начинают смеяться. Родителям не видно того, что происходит внутри круга, но это что-то из ряда вон выходящее.

При виде того, как дети собираются в круг, желая посмотреть на представление, Джеффу становится страшно. Волна охватившей тревоги уже заставляет его начать подниматься, чтобы убежать отсюда. Когда кто-то убегает, кто-то обязательно должен нападать. Джефф неуклюже катается по полу, пытаясь встать. Заметив это, мальчик в костюме супергероя уже кидает в него игрушку, чем вызывает бурю хохота. Джефф вновь падает. Краем глаза он уже видит, как над ним повис пугающего вида пластиковый грузовик. Он дергается, скорее инстинктивно, чем осознанно. Снова хохот. Джефф дергается еще раз, и реакция повторяется. И вот уже он корчится в псевдоприпадке под общее одобрение всех детей в группе. Именно в этот момент их замечает воспитательница и разгоняет толпу несанкционированно смеющихся детей.

— Миссис Дамер, нам нужно с вами поговорить, — заявляет в конце праздника воспитательница. — Джефф очень хороший мальчик, но слишком застенчивый...

Женщина рекомендует им завести какое-то домашнее животное, что вызывает массу негатива со стороны Джойс. Она не выносит вида шерсти и даже представить боится, сколько ее будет скапливаться на ее любимом паласе, если они заведут собаку. А о собаке Джефф мечтает уже давно. Он восторженно наблюдает за тем, как на лужайке перед домом соседские дети играют со своим домашним любимцем, толстым черным спаниелем. Ничуть не боясь, он мог остановиться перед дворовым псом и начать его гладить. Они возвращаются домой. Джефф кидает плюшевый комбинезон на диван и бежит на кухню.

— Выкинь этот уродливый костюм, — визжит Джойс, уже представляя то, как вместо костюма на том же месте лежит отвратительно пахнущий, блохастый пес.

Джойс неосмотрительно рассказывает о своем разговоре с воспитательницей мужу. Тот слушает с воодушевлением. Собака — это же прекрасная идея. С ней нужно гулять утром и вечером, а это целый час времени наедине с собой. Это радость и веселье, и, в конце концов, это ведь правда полезно для ребенка.

Идея о покупке собаки откладывается. Придя домой, Лайонел обнаруживает сына лежащим посреди кухни. Поняв, что сын еще дышит, он поднимает его и несет в машину. Нужно как можно скорее отвезти его в больницу. Джеффа продолжают мучить страшные боли, от которых его то и дело бьют судороги. В остальное время он практически не шевелится.

Врачи диагностируют паховую грыжу и в срочном порядке везут Джеффа в операционную.

— Почему вы раньше не обратились? — с упреком спрашивает его врач, выходя из смотровой.

— Дома была только жена, она, наверное, не заметила... — начинает оправдываться Лайонел, но доктор делает останавливающий жест и спешит скрыться в операци-

онной. Лайонел звонит Джойс, чтобы рассказать о том, что Джеффа отвезли на операцию.

— Он же притворяется! Ты сказал им, что он притворяется?! — воскликнула женщина.

Лайонел в припадке ярости бросает трубку.

Джеффри везут в операционную. Три хирурга местной больницы суетятся вокруг него, говорят какие-то термины, которых он никогда раньше не слышал. Включают лампу, которая тут же ослепляет глаза. Кто-то говорит что-то про анестезию.

— Слышишь, парень, сейчас я тебе сделаю укол, и нужно будет считать от десяти до одного, понял?

Джеффри кивает и тут же начинает считать. Укол даже не чувствуется на фоне общей боли, скручивающей все внутренности в тугой узел. На секунду он как будто падает в бездну, но где-то вдалеке еще слышатся голоса хирургов. Что-то металлическое касается его кожи. Джеффри чувствует новую волну боли, но почему-то не может ни кричать, ни говорить.

Спустя сорок минут операция заканчивается. Джеффри просыпается через несколько часов. Оказывается, ему сделали самую настоящую операцию по удалению паховой грыжи. Что такое грыжа, он, конечно, понятия не имеет, но вот суть сказанного улавливает. Ему отрезали что-то в паху.

Уже на следующий день его выписывают домой. Джеффри продолжает мучиться от боли, но врачи говорят, что это скорее истерическое, и выписывают ему сильное снотворное. Лайонел усаживает мальчика на больничное кресло-каталку и везет его к выходу. Отец просит сына подождать, пока тот пригонит машину ко входу. Пока Лайонел возится с машиной, Джеффри пытается снять бинты.

— Зачем ты это делаешь?! — Лайонел в ужасе подбегает к сыну.

— Хочу посмотреть, не отрезали ли мне все, — хнычет Джеффри.

Лайонел кое-как успокаивает сына, но только на пару часов. Еще несколько дней мальчик мучается от боли и все время интересуется у родителей, не отрезали ли ему половые органы. Это буквально выводит из себя Джойс, которая совсем недавно узнала о том, что беременна вторым ребенком.

— Если я умру, у тебя будет другой ребенок, — рассудительно заявляет Джефф.

— Прекрати говорить глупости, ты всегда говоришь только глупости! — осекает его Джойс. Эти дни после операции превращаются для нее в настоящий ад. Как только она рассказала Лайонелу о своей беременности, тот потребовал, чтобы она немедленно прекратила принимать таблетки. Она уже несколько лет сидит на успокоительных и обезболивающих, отказ от таблеток для нее равносильна катастрофе. Чем дольше она принимала таблетки, тем темнее и чернее для нее казался тот период жизни, когда она жила в каком-то крошечном аде и оцепенении. Ей психологически сложно принять тот факт, что нужно будет несколько месяцев жить без таблеток. То и дело Лайонел находит пузырьки с лекарствами и выкидывает их. Теперь еще Джеффри целыми днями сидит дома и говорит какие-то глупости. Так много глупостей...

Спустя месяц Джеффри вновь начинает посещать школу, а в доме практически не остается разбросанных повсюду антидепрессантов. Теперь Лайонел отвозит Джеффа в школу и привозит его домой. Джойс все больше времени проводит в постели. Часто она тихо плачет, непонятно из-за чего. В их доме больше не появляются друзья и приятели, коих и раньше было немного. Лайонел то и дело уезжает снова на работу после того, как привозит Джеффа. Когда он все же остается дома, то все свободное время

проводит в гараже. Джеффри с каждым днем становится все более тихим и замкнутым.

— Мистер Дамер? Я бы хотела с вами поговорить по поводу Джеффри, — говорит однажды школьная учительница Джеффа.

— Он перестал успевать по какому-то предмету? Может, нужны дополнительные занятия? Знаете, он ведь никогда не был вундеркиндом, но он ведь очень старательный.

— Что вы! Джеффри лучший ученик по всем предметам, я хотела...

— Лучший? — удивляется Лайонел. При всем желании он бы не мог предположить, что сын получает хоть по какому-то предмету хорошие отметки. Он был уверен, что Джефф, как и сам Лайонел в детстве, еле-еле дотягивает до отметки «С» за контрольные. Если он отличник, почему он никогда об этом не говорит, не хвастается?

— Да, Джефф значительно лучше развит, чем все наши ученики. Он опережает свой возраст на пару лет, но дело не в этом, — рассеянно говорит учительница, — у него совсем нет друзей, и в последнее время он стал еще более замкнутым, чем раньше. У вас дома все хорошо?

— Да, все как обычно. Вскоре у Джеффа должен появиться брат, может, дело в этом? — рассуждает вслух Лайонел.

— Ну конечно! Он просто ревнует! Нужно объяснить ему, что теперь его будут любить не меньше, а больше. Нужно дать ему право выбора! — радуется женщина. Такое ощущение, что она вдруг вспомнила какой-то урок по психологии, который наконец ей пригодился.

— Какого выбора?

— Джеффа никто не спрашивал, хочет ли он брата. Он чувствует себя обманутым. Ему нужно дать понять, что его мнение важно и значимо для вас. Лучше всего, если

дать ему возможность выбрать имя для брата. Вы уже думали об имени?

— Нет пока...

Несколько раз после этого разговора Лайонел пытается доверительно поговорить с сыном. Примерно так, как показывают в кино, но каждый раз этот разговор обрывается на полуфразе.

— Джефф, ты знаешь, что скоро у тебя появится брат? — интересуется Лайонел.

— Да, знаю, пап.

— Ты рад?

— Да, я рад.

На этом все разговоры заканчиваются. Иногда Джефф роняет какие-то фразы о том, что когда у родителей появится новый сын, он сможет умереть и никто не будет переживать, ведь у них будет уже другой ребенок. Впрочем, на эти фразы Джойс не обращает внимания, да и Лайонел пропускает это мимо ушей.

Вскоре наступает момент, когда Джойс пора везти в роддом. На сей раз роды проходят спокойно. Мальчик рождается здоровым, с хорошим весом и ростом, но, что еще более важно, Джойс вполне спокойно начинает кормить малыша. По крайней мере, в первые дни после рождения.

— Какая прекрасная картина! Вся семья в сборе! Вы уже придумали имя для Дамера-младшего? — воркует вошедшая в палату медсестра.

— Ты уже придумала имя для малыша, дорогая? — интересуется Лайонел, наблюдая за тем, как жена кормит ребенка грудью.

— Нет, я думала, ты выберешь. Какие у тебя варианты? — безучастно откликается Джойс.

— Я думал, знаешь, пусть Джефф выберет имя, как считаешь? — отвечает Лайонел. — Как думаешь, Джефф? Какое имя тебе нравится?

— Не знаю. Может быть, Дэвид? — тихо говорит стоящий в дверях Джефф.

— Это же отличное имя! Пусть будет Дэвид! — превеличенно бодро говорит Лайонел.

Джойс и Джефф с одинаковым выражением лица пожимают плечами. Им обоим это кажется какой-то глупостью, не стоящей обсуждения. Все равно что обсуждать, какие чашки больше подойдут для кухни, розовые или синие.

Когда Джойс возвращается домой, все возвращается на круги своя. Малыш растет вполне здоровым ребенком, Джефф продолжает ходить в школу, где его даже учителя перестают спрашивать. Он и так отлично успевает, не стоит лишний раз тревожить ребенка, у которого только что родился брат.

И вот уже по небольшому дому Дамеров бегают смешной, белый, двухмесячный щенок терьера, которого решают назвать Фриски. Все свободное время Джефф проводит, играя со своей собакой, плачет, когда вечером его не пускают пойти гулять с ней, и то и дело норовит лечь вместе с ней спать. Фриски моментально становится всеобщей любимицей. Все дети не могут скрыть зависти к Джеффу. Ведь у них-то уже взрослые собаки, а у него самый настоящий щенок. Впрочем, даже когда Фриски подрастает, ей удается сохранить свой статус любимицы. Белоснежная, кучерявая и отчаянно дружелюбная, она норовит прыгнуть ко всем на руки и лизнуть человека в нос. Особенно необходимо это сделать, если человек выглядит грустным. В этом же и есть великая миссия собаки: лизнуть в нос грустного человека.

Мать Джеффа часто выглядит грустной. Особенно когда таблетки заканчиваются. Фриски прыгает ей на руки, лижет нос, после чего отлетает к другой части комнаты. Спустя какое-то время ситуация повторяется. Такова уж нелегкая работа собакой.

Джефф придумывает тысячу и один трюк, как оставить Фриски на ночь у себя в комнате. Каждый раз, когда он видит, как мама отметаёт собаку от себя, словно та неживая, ему чуть ли не физически больно. Ему просто жизненно важно знать, что ночью Фриски будет рядом с ним, в безопасности спать где-нибудь в ногах, зарывшись в кучу плюшевых игрушек. Это, кстати, один из трюков. Маленькая Фриски очень похожа на плюшевую игрушку, поэтому в куче таких же игрушек, да и еще при свете одного ночника, ее легко не заметить.

— Мне предложили работу в Дойлстауне, — сообщил однажды Лайонел. — В водоочистой компании. Там платят вдвое больше, чем здесь.

Джойс тяжело восприняла эту новость. Она стала пить больше таблеток, чем обычно, но веселее от этого не становилась. Наоборот. Все чаще она могла заплакать при виде совершенно странных, вроде бы совсем не грустных вещей. К примеру, она часто плакала, когда ее внимание привлекал мультфильм, который Джефф смотрел по телевизору. Плакала, когда видела то, как работает садовник. Если второе Лайонел еще мог понять — Джойс недавно закончила курсы флористики и даже решила пойти работать в цветочный магазин на полставки, — то что же грустного в мультфильмах про несчастного кота и надоедливую мышку, он не понимал.

Сначала Лайонел взял несколько дней отпуска за свой счет и съездил в Дойлстаун для подписания договора, а затем уже они начали готовиться к большому переезду. Вещей у молодой семьи уже накопилось достаточно много, Джефф подрос и игрушек поприбавилось, да еще к тому же и Фриски. Джойс категорично заявила, что не поедет в столь длительное путешествие вместе с собакой в салоне. Дойлстаун находился в сутках езды от Эймса, и это если ехать без отдыха, что вряд ли можно было представить, путешествуя с маленьким ребенком.

— Мы можем поехать на двух машинах, — предложила Джойс.

Джойс ездила на совсем стареньком автомобиле марки «Паккард», который вряд ли смог бы осилить такое путешествие. Да и деньги им сейчас были очень нужны, а на продаже машины можно было заработать долларов 700, что по тем временам было вполне ощутимой суммой.

Они начали собирать вещи за день до отъезда.

— А где поедет Фриски, спереди или сзади? — поинтересовался Джефф, разглядывая гигантские коробки с повседневным скарбом.

— Джефф, Фриски с нами не поедет, она останется здесь, — чуть помедлив, сказал Лайонел.

Он совершенно не знал, что ему говорить, как сказать о своем решении усыпить Фриски. Он даже сам не был уверен в правильности этого решения. Оно было самым разумным, но как это повлияет на Джеффа? Педагогично ли это?

Лайонел был далек от сильных переживаний по поводу собаки. Да и в принципе испытывать какие-либо сильные эмоции ему было не свойственно. Он знал это за собой и знал, сколько проблем в жизни может быть у Джеффа из-за этой холодности и отстраненности. Поэтому Лайонел продолжал частенько читать книги по психологии и педагогике. Как и советовали в таких случаях психологи, Лайонел старался говорить с Джеффом, как со взрослым. Да он и всегда так с ним разговаривал. Как и предписывали педагогические брошюры, он решил уступить сыну в малом и согласился взять его с собой на последнюю прогулку с Фриски.

— Ты ведь понимаешь, что мы не можем взять с собой Фриски, ты же умный мальчик? — интересуется напоследок Джойс.

— Да, мама, я все понимаю, — обреченно говорит Джефф.

Ничего не подозревающий веселый терьер с радостью прыгает на руки и озабоченно тыкается в нос, пытаясь развеселить Лайонела и Джеффа. Джефф ни на секунду не выпускает Фриски из рук всю дорогу до ветеринарной клиники. Врач в клинике встречает их улыбкой, которая постепенно улетучивается с лица, когда он узнает, что посетители приехали на усыпление. Терьер абсолютно здоров, молод и весел, зачем такого усыплять, если можно заплатить каких-то двадцать долларов и отдать его в питомник. Тяжело вздохнув, ветеринар уже достает из шкафчика нужное лекарство и замечает в дверях тревожно наблюдавшего за происходящим Джеффа.

— Вы не хотите отвезти ребенка погулять? — интересуется ветеринар.

— Я буду с Фриски до конца, — тихо, но твердо произносит Джефф.

— Я обещал, — извиняющимся тоном произносит Лайонел.

Фриски добродушно позволяет сделать себе укол. Постепенно она становится все менее воодушевленной и радостной, взгляд ее туманится, и она засыпает. Она уже полчаса как заснула в последний раз, но Джефф продолжает ее гладить. Ветеринар неловко кладет ему на плечо руку и говорит, что им пора идти.

— Теперь ведь мы можем взять ее с собой, да? — спрашивает Джефф отца.

— О чем ты, Джефф? Фриски больше не проснется.

— Я знаю, она превратится в скелет. Ее можно будет положить в сумку, и теперь от нее не будет шерсти. Со всем никакой шерсти, пап. Можно мы возьмем ее с собой? — заплакал Джефф.

1992 год

— Суд штата Висконсин вызывает для дачи показаний Джудит Беккер, выступающую со стороны защиты. Мисс Беккер, подойдите, пожалуйста, на место свидетеля и положите правую руку на конституцию США. Мисс Беккер, клянетесь ли вы говорить правду?

— Да, Ваша честь, клянусь.

— Итак, мисс Беккер, являлись ли действия Джеффри Дамера следствием болезни?

— Да, Ваша честь. Мы провели серию бесед с мистером Дамером. Разоткровенничавшись, он рассказал многое о своем детстве, о нездоровой обстановке, царившей в их доме. На мой взгляд, именно это повлияло на развитие болезни.

— Уточните пожалуйста, что вы имеете в виду? Насколько я знаю, Джеффри Дамер рос в достаточно благополучной семье.

— За внешним благополучием часто скрывается абсолютное равнодушие. Когда Джеффри был маленьким, семья часто переезжала, совершенно не заботясь о чувствах ребенка, которому раз за разом нужно было находить свое место в этом мире. С одной стороны, они заводили домашних животных, чтобы ребенку было с кем играть, но с другой — их каждый раз приходилось оставлять при переезде на новое место. Для ребенка это становилось настоящей трагедией, и в конечном счете он сам больше не хотел заводить себе питомца. Джеффри Дамер рос в обстановке абсолютного одиночества, отчуждения, бесконечных ссор между родителями, не имея друзей и близких. Чтобы избежать одиночества, он стал коллекционировать трупы мертвых животных. Они, по его нездоровой

логике, навсегда должны были остаться с ним и скрасить его одиночество.

— Весьма оригинальный способ заводить друзей.

— Я бы сказала, болезненный и патологичный.

— Мисс Беккер, диагностировали ли вы какое-либо заболевание у обвиняемого?

— Вследствие тяжелого детства и отчуждения со стороны родителей у мистера Дамера развилась тяга к мертвым телам. Некрофилия является психическим заболеванием, требующим медицинского вмешательства. У Дамера некрофилия достигла крайних форм проявления и переросла в категорию некрофилических убийств, что, несомненно, говорит о наличии психического расстройства.

Глава 3

1960 год: К нашему окну часто приходит белка и ест крошки. Джефф хохочет, когда мама щелкает, чтобы подозвать белку.

Первый День Рождения: 21 мая 1961 год.

Устроили дома вечеринку. Развесили повсюду украшения, серпантин, воздушные шары, цветы и раздали всем колпаки.

Первое слово: Ма-ма.

Первая фраза: Подними, пожалуйста (на ручки)

Ноябрь, 1961: У нас появилась черепаха. Джефф ее обожает.

*Из записей «Первой книги малыша»
Джеффри Дамера. Книгу вела мама
Джеффри, Джойс Дамер (Флинт)*

1967 год

Однажды Джефф и Лайонел привычно открывают дверь своего дома и слышат отчаянный плач Дэвида. Ничего удивительного. Джойс могла уснуть и пока еще не успела подойти к ребенку, всякое бывает. Лайонел подходит к кровати, берет ребенка на руки и только после этого идет в спальню. На кровати, распластавшись в карикатурно-изысканной позе, лежит Джойс. Лицо ее мертвенно-бледное, а на полу возле кровати виднеется рвота. Только в этот момент Лайонел видит аккуратно выставленные на тумбочке упаковки с сильным транквилизатором, который Джойс пила еще в Эймсе.

— Джефф, Джефф, звони немедленно в больницу, твоей маме плохо! — в ужасе кричит Лайонел, пугая тем самым только-только успокоившегося Дэвида.

1967—1975 годы

Городок Бат, штат Огайо, расположен в нескольких километрах от Акрона, где Лайонелу предложили новую работу в PPG Industries. На въезде в городок для трехсот человек висит огромная вывеска, на которой значится надпись: «Добро пожаловать в Бат. Сюда приходят для того, чтобы жить, а не работать».

Вокруг леса и озера. Несколько вечно пустынных улочек — вот и весь город. Здесь всегда сыро и пасмурно. Ни больших магазинов, ни автобусов, ни больниц. Большое старинное здание средней школы, городская ратуша, небольшие магазинчики со всякой снедью — вот и весь «город». Практически каждое утро город окутывает плотный, непроглядный туман. Местные жители шутят, что Карл* перебрался из Сан-Франциско сюда. Буквально в паре сотен метров от школы Джеффа начинается лес, полный тайн и загадок. Туда бегают все мальчишки, втайне надеясь найти какой-нибудь труп, как в романах Стивена Кинга.

Дом семьи Дамеров располагается на окраине города у самой черты леса. Джеффу удобнее бегать в лес, чем всем его одноклассникам. Во-первых, ему этого, в отличие от них, никто не запрещает, во-вторых, первые деревья кромки леса находятся метрах в десяти от дома. Значительно удобнее. Да и тропы здесь более загадочные, чем вдоль и поперек исхоженные школьниками лесные тропки возле школы.

* Сан-Франциско так часто скрывается под плотной завесой облаков, что туман стал символом этого города. Местные жители дали ему свое имя — Карл. Вскоре это имя перекочевало и в другие города. Увидев туман, американцы часто шутят, что это «Карл приехал погостить из Сан-Франциско». — *Прим. ред.*

Джойс благополучно спасли в больнице Дойлстауна, но слухи о безуспешной попытке самоубийства уже поползли по городку в несколько сотен жителей. Стали поговаривать, что Лайонел бьет жену и сына. На мужчину стали коситься на работе, так что он стал потихоньку рассылать резюме в различные компании, подальше от Дойлстауна. Первое же предложение поступило из Акрона, и уже через пару месяцев они с женой и детьми переехали в Бат. Отсюда было удобно добираться до работы, а недвижимость стоила значительно дешевле, чем в Акроне.

Джеффри уже одиннадцать лет, у него никогда не было постоянных друзей, никогда не было веселых дней рождения с приглашенными клоунами и смешными колпачками, и никогда больше он не захочет заводить домашнее животное. Особенно собаку. Их слишком больно терять.

Бат расположен на нескольких холмах. В самом центре городка, то есть минутах в десяти от дома Дамеров, расположена средняя школа Eastview Junior High, куда и записывают Джеффри. Это самое большое и величественное здание Бата, окна которого выходят на католическую церковь. Оба этих здания выполнены в немного готическом стиле, отчего вид города делается еще более мрачным и пустынным.

Вы когда-нибудь были новичком в средней школе? Испытание похлеще прыжка с парашютом. Ежедневного прыжка с парашютом. А уж если это единственная школа округа, население которого составляет девять тысяч человек, то здесь уровень угрозы возрастает многократно. Конечно, учиться в неблагополучном районе Нью-Йорка не менее сложно и опасно, даже наоборот, но и в Eastview Junior High жизнь Джеффри была поначалу совсем не простой.

Плохо одетый мальчик в больших очках, со светлыми вьющимися волосами, тут же становится объектом насмешек. Джеффри всегда садится на последнюю парту и пытается скрыться за учебниками. Такие ученики редко выполняют домашнее задание, поэтому поначалу учителя стараются его не спрашивать.

Бат — небольшой городок на триста домов, поэтому и учеников в средней школе здесь не так уж много. Оживление здесь наблюдается лишь по утрам, когда все местные жители ведут своих детей в школу, целуют их, а затем садятся в машину и едут в Акрон на работу. В период с шести до семи вечера тут также иногда можно встретить людей, так как все спешат с работы домой, к своим семьям. Во все остальное время Бат производит впечатление города-призрака. Но тут живут люди. Вернее, они там жили в середине 1970-х, сейчас это место представляет собой триста заброшенных домов, каждый из которых легко можно приобрести долларов за триста-четырееста. Причем заплатят их вам, чтобы только избавиться от совершенно бесполезной, но облагаемой налогами недвижимости.

По соседству с Дамерами живут две семьи: Шейренберги и Ричардсоны. Джорджия Шейренберг, мать двух детей возраста Джеффри, искренне радуется тому, что по соседству с ней теперь будет жить семья с мальчиком возраста ее детей. Дом Ричардсонов находится в нескольких сотнях метрах от Дамеров. Они сдержанно приветствуют Дамеров, но никак не проявляют желания общаться. Сын мисс Ричардсон Кент в школе делает вид, будто не знаком с Джеффри, но, видя то, как он выходит из своего дома, всегда вежливо кивает и держится другой стороны улицы. В школьной столовой Джеффри неизменно достается самый отдаленный и неудобный угол, в котором приходится есть в одиночку. Его пока еще не сделали изгоем, но он уже отчаянно близок к этому.

Однажды, когда уже близок конец учебного года, Джеффри идет к выходу из здания школы. Газон перед школой сейчас представляет собой самое многолюдное место в городе. Ни дети, ни учителя пока не спешат домой, радуясь неожиданно хорошей погоде. Джеффри начинает спускаться вниз по лестнице, как вдруг его сбивают с ног несколько детей помладше. Стоящие группой его одноклассники, в том числе и дети мисс Шейренберг, начинают покатываться со смеху. Джеффри отряхивается и испуганно смотрит на них.

— Извини, это правда выглядело очень смешно, — говорит кто-то из них.

Новичку средней школы Eastview Junior High не остается ничего, кроме как улыбнуться в ответ и постараться как можно быстрее уйти отсюда, так как этот смех буквально выводит из себя. Он просто не может для себя понять, издеваются над ним сейчас, или просто он правда смешно упал.

Лайонел, которому Джеффри пересказывает случившееся накануне, пожимает плечами и цитирует известную фразу Чарли Чаплина: «Нет ничего смешнее, чем падающий человек».

— Тебе нужно завести друзей и начать заниматься спортом, — привычно напоминает отец Дамера. Это их вечный спор. Лайонел хочет, чтобы у Джеффри было много друзей и отличные отметки в школе. Если с оценками все не так сложно, то вот друзей Джеффри так и не нашел.

Выйдя на улицу утром, Джеффри видит, что во дворе мисс Шейренберг собрались почти всего одноклассники. Соседка приветственно машет ему рукой и приглашает его поиграть вместе с другими детьми. Ему этого отчаянно хочется, но он начинает вежливо отказываться. Мисс Шейренберг проявляет настойчивость, и Джеффри

все же идет к соседям. Дети без особенного восторга воспринимают новость о том, что Дамер присоединиться к их компании. Они увлечены какой-то игрой и предлагают Джеффри подождать в углу, пока они доиграют. Джеффри садится на лужайку рядом с домом Шейренбергов и начинает наблюдать за игрой. Неподалеку в садовом кресле сидит мисс Шейренберг и ободряюще улыбается Дамеру.

Так проходит немало времени, а раунд игры все никак не заканчивается. Джеффри так и продолжает сидеть чуть поодаль и наблюдать. В этот момент кто-то из детей соседки резко оборачивается и падает, ударяясь при этом о железное барбекю, стоящее на заднем дворе дома. На мгновение все стихает, как будто никто не знает, как на это реагировать. Как вдруг Джеффри начинает хохотать, наблюдая за корчащимся от боли мальчиком. Ведь нет ничего смешнее упавшего человека, правда? Ведь еще вчера над ним точно так же смеялись.

— Ты совсем сумасшедший, да? Прочь из моего дома немедленно! — визжит мисс Шейренберг и несется на помощь своему сыну. Джеффри поднимается и непонимающе смотрит на все это несколько мгновений. Все остальные дети поглядывают на него с каким-то чувством превосходства и брезгливости на лицах. Джеффри ничего не остается, кроме как уйти поскорее отсюда.

Еще очень долго он будет обдумывать произошедшее и не понимать, что именно сделал неправильно. Он никогда не умел понимать эмоции других людей. Если одним это дается с рождения, то другим приходится постигать эту науку долгие-долгие годы. Но даже тогда они не будут так тонко чувствовать собеседника, как те счастливики, которые с рождения умеют тонко чувствовать настроение других людей. Ребенок, оказавшись в ситуации, когда его, с одной стороны, психологически отвергают, а с

другой — демонстрируют заботу, попросту не может научиться распознавать эмоции других людей. Уже во взрослом, осознанном возрасте они пытаются обучиться этому искусству, но единственный способ, каким это можно сделать, — копировать других людей. Повторять ту реакцию, которую наблюдал накануне в схожей ситуации. В тот раз Джеффри рассмеялся, чем навсегда испортил отношения с мисс Шейренберг и ее детьми.

С тех пор его начинают сторониться в школе. Причем не только дети, но, кажется, и учителя. Джеффри легко справляется со всеми заданиями, поэтому получает неплохие отметки. Это дает учителям возможность попросту не замечать его. Если бы у Джеффри были плохие отметки, то его бы приходилось ругать и общаться с родителями, если бы оценки были исключительно хорошими — приходилось бы хвалить. Джеффри никогда не выполняет домашние задания, предпочитая тратить свободное время на просмотр телевизора, за что всегда получает низшие оценки. Во время проверочных работ он неизменно демонстрирует хорошие знания. Таким образом, у него выводится средний уровень знаний, что всех устраивает. Его никогда не хвалят, но и нечасто ругают. Разве что за прогулы, которые случаются с завидной регулярностью.

Летом между пятым и шестым классом Джеффри Лайонел уговаривает жену лечь для обследования в психиатрическую клинику. Это всего несколько дней, да и нет в таком обследовании ничего страшного. Но не для Бата, в котором никогда ничего не происходит. Клиника располагается в единственном крупном городе поблизости, Акроне. Естественно, находится несколько человек из Бата, которые там работают и которые, естественно, проговариваются о том, что видели мисс Дамер там, своим соседям. Вскоре слухи о психической неуравновешенности стран-

ной и кажущейся излишне высокомерной Джойс Дамер густой паутиной окутывают маленький Бат. Теперь уже все сторонятся Дамеров.

— Дамер, не хочешь рассказать о Гражданской войне Севера и Юга? — спрашивает однажды учительница на уроке естествознания.

— Запросто. 1861—1865 годы. Война между хорошо развитым Севером и рабовладельческим Югом.

— И все? — недовольно интересуется женщина. По большей части она недовольна тем, что Дамер хоть что-то ответил, так как в ее планы входило публичное покаяние двоечника.

— Боевые действия начались с обстрела форта Самтер 12 апреля 1861 года и завершились сдачей остатков армии южан под командованием генерала Стенда Уэйти 23 июня 1865 года... — Дамер говорит все это впервые. Столько слов он не произносил за все время своего обучения. Он уже несколько месяцев как ходит в эту школу. Несколько раз приходилось писать проверочные работы, за которые он получал самые разные отметки — от «С» до «А». Еще ни разу никто не просил его ответить на вопрос. С ним здороваются, но почему-то опасаются завести разговор. Начало средней школы — самое опасное время. С кем начнешь общаться, тем и будешь по жизни. А кто знает, что это за новенький? Если он станет изгоем, то потащит в эту пучину и тебя. Поэтому сейчас все с удивлением слушают хорошо поставленную речь отличника, так несуразно звучащую с последней парты.

— Как ты все это выучил? — спрашивает болезненно толстый подросток с темными и явно давно не мытыми волосами. Его зовут Ллойд, но все его зовут просто Ли. Он живет на другой стороне Бата, поэтому вне школы Джеффри его встречает редко. Ли обычно садится в самом цен-

тре школьной столовой, вместе с самыми уважаемыми учениками. В той компании здоровяка Ли считают тупицей, но все же предпочитают с ним не ссориться. Ли известен своим крутым нравом и может легко побить своего обидчика. Средний балл его по всем предметам трагически низок. То и дело он оказывается на грани отчисления, но каждый раз ему все же удается удержаться в классе.

В этот раз он садится рядом с Джеффри и начинает расспрашивать его о том, как тому удалось выучить столько слов. Джеффри немного заикается от неожиданного внимания со стороны тупицы Ли.

— Сделаешь мне домашнее задание по истории? — интересуется под конец Ли.

— Да, конечно, мне не сложно, — говорит Дамер.

— Ну вот и отлично, друг, — ухмыляется Ли и уходит их столовой.

Так или иначе, у Джеффри все же теперь есть друг. Ли общается с ним только для того, чтобы тот делал за него домашние задания, рефераты и проекты, но все же ведь общается. Иногда Ли даже приглашает Джеффри к себе, чтобы посмотреть фильмы и побездельничать. Джеффри к себе обычно не зовет. Это всегда игра в рулетку. Иногда его мама может вести себя как образцовая домохозяйка, а иногда устроить немислимую истерику из-за какого-то пустяка. Лучше не рисковать.

Во время летних каникул Ли и Джеффри оказываются не у дел. Им отчаянно скучно, а никаких других вариантов для общения у Ли нет, поэтому он проводит довольно много времени вместе с Джеффри. Вместе они часто слоняются по лесу. Однажды они находят на дороге несколькодохлых крыс. Ли уже хочет пнуть их, но Джеффри его останавливает.

— Давай посмотрим, что у них внутри? — предлагает Джеффри, чем вызывает бурный восторг у Ли.

1975 год

River High School располагается ровно посередине между Ричфилдом и Батом. Это самая крупная старшая школа в окрестностях Акрона. Неподалеку отсюда располагается крупный для здешних мест торговый центр Summit. Джеффри поступает сюда сразу после окончания средней школы. Каким-то чудом и невероятными стараниями Джеффри сюда попадает и Ли, у которого не было ни малейшего шанса поступить сюда до знакомства с Джеффри. Старшая школа предполагает более индивидуальный график посещения занятий, а заодно и большее количество различных дополнительных занятий. Под давлением Лайонела Джеффри еще в шестом классе записывается в школьный оркестр и начинает учиться игре на кларнете. Когда об этом узнает директор школьного оркестра River High School, он требует, чтобы Джеффри записался и в здешний оркестр. Теперь занятия у Ли и Джеффри практически не пересекаются. Они сидят вместе лишь на занятиях по химии и биологии. Программа теперь у них разная, поэтому и необходимость в общении постепенно сходит на нет.

Ричфилд и Южный Бат, в котором живет Джефф, соединены небольшим отрезком шоссе. River High School расположена как раз посередине. Сегодня последний день для сдачи проекта по химии, поэтому он задержался на пару часов и решил не ждать автобуса. Идти не больше часа. Немного дольше, чем время, за которое он утром едет до школы на автобусе. Ему-то, в отличие от автобуса, не нужно наматывать круги по всем окрестным поселениям. Нужно всего лишь пройти пару-тройку километров по шоссе. Дорога немного загибается, и там дальше с одной стороны дороги крутой обрыв. Джефф привычно держит-